

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	15
Глава 1. Последний шанс	31
Глава 2. Молочник.....	50
Глава 3. Марш	66
Глава 4. Дорога.....	77
Глава 5. Дом молитвы	95
Глава 6. Петрович	105
Глава 7. Слово	114
Глава 8. Свои.....	145
Глава 9. Провокация	155
Глава 10. Работино.....	170
Глава 11. Первая ночь.....	181
Глава 12. Окопная повседневность.....	190
Глава 13. Братское сердце.....	198
Глава 14. Жители	210
Глава 15. Поступок	228
Глава 16. Командиры.....	232
Глава 17. 9 Мая.....	248
Глава 18. Небо наше	267
Глава 19. Вера.....	288
Глава 20. Серая зона	298
Глава 21. Токмак	309
Глава 22. Чудо	319
Глава 23. Сирень	330
Эпилог	339
Послесловие	345

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках вторую книгу серии «Штурмовики». Я хочу сказать сразу, честно, без красивых вступлений: если первая книга, «Штурмовики: без права на забвение», была разговором человека с самим собой накануне решающего шага, то нынешняя, «Штурмовики: бои и судьбы», начинается там, где слова уже не спасают, не потому, что слова «плохие», а потому, что война очень быстро ставит все на место. Там, где раньше можно было спорить, сомневаться, сравнивать, откладывать решение на завтра, вдруг остается только новая правда: земля, сырость, холод, ожидание, короткие команды и простые движения. Эти движения сначала выглядят как чужие. Потом становятся привычкой. А привычка на войне — это не «комфорт». Это способ выжить.

В штурмовиках ты еще доказываешь себе, что способен. В пехоте ты просто обязан быть способен. Потому что рядом другие. Потому что на

тебе держится участок. Потому что «если не ты» перестает быть красивой фразой и становится ежедневной ответственностью, не громкой, не торжественной, а просто такой, которая ложится на плечи, не спрашивая, удобно ли тебе.

О войне много говорят, часто описывая войну как сюжет: есть вступление, развитие, кульминация и развязка. На самом деле война редко укладывается в чужие слова. В мирной жизни человеку кажется, что судьба всегда оставляет лазейку: можно промолчать, переждать, «не лезть», отсидеться в своей заботе о доме, о работе, о семье. Можно отложить решение на завтра. Можно сделать вид, что это не касается лично тебя. Война устроена иначе.

Она приходит не как тема для обсуждения. Она приходит как проверка. Без музыки, без торжественности, без предупреждения. Война проверяет не громкостью лозунгов, а простыми вопросами, от которых трудно спрятаться.

Выдержишь ли ты ночь без сна, когда тишина давит сильнее разрыва?

Сумеешь ли ты не сорваться, когда страшно?

Не сломаешься ли от усталости, когда в голове становится пусто и шумно одновременно?

Сможешь ли остаться человеком, когда вокруг все пытается превратить тебя в функцию?

Это не философия. Это не «красивые мысли». Это то, что на фронте чувствуется телом. Там все быстро становится практикой.

Я не знаю, с каким чувством ты открываешь эти страницы.

Возможно, из-за любопытства.

Возможно, из-за уважения.

Возможно, из-за внутреннего напряжения, которое ты не объяснишь даже себе.

А может быть, из-за боли... своей или чужой.

Кто-то читает, чтобы понять тех, кто вернулся, потому что вернувшийся часто молчит, а молчание дома воспринимают как холод. Хотя это не холод. Это фронтовая привычка экономить слова, потому что на войне лишнее слово иногда стоит жизни, а после войны лишнее слово может сломать того, кто слушает.

Кто-то читает, чтобы приблизиться к тем, кто не вернулся. Потому что фотография на стене со временем становится просто рамкой, если вокруг нее нет живой памяти. Кто-то читает, чтобы перестать спорить со своим «а как бы поступил я». Потому что этот вопрос мучает сильнее, чем кажется, даже если человек никогда не был на войне. Мы все хотим думать о себе хорошо. А война не всегда оставляет возможность думать о себе «красиво».

Одно я знаю точно: если ты пройдешь эту книгу до конца, война перестанет быть чем-то «где-то далеко» и «не про нас». Потому что война всегда про людей.

Про выбор, который надо сделать не на трибуне, а на кухне, в машине, на работе, в тишине.

Про страх, который не выглядит героически. Про упрямство жить и защищать. Про то, как человек, вчера занятый счетами, школьными чатами и пробками, сегодня оказывается в окопе и узнает себя заново. Не таким, каким представлял, и не таким, каким хотел бы казаться.

В этой книге ты снова встретишь героев первой части и познакомишься с новыми. Но не жди «продолжения» в привычном смысле, будто это сериал, где сохраняется прежняя интонация и прежний ритм.

Первая книга была о том, что происходит внутри, когда прежний удобный мир трещит, и ты больше не можешь отводить глаза. О стыде и совести. О том миге, когда решение созревает и становится необратимым. Вторая книга о том, что происходит с человеком после решения.

Это книга о становлении. О фронтовой жизни, где любой день одновременно похож на предыдущий и никогда не повторяется. Где одно и то же место может быть и спасением, и ловушкой. Где слово «служба» звучит слишком сухо, потому что там это не служба. Там это просто жизнь. Иногда единственная. Прочувствовали тепло в ладонях, которое неожиданно возвращает ощущение, что ты еще живой. Услышали минутную тишину без разрывов, которая не радует, а настораживает. Научились вместе с героями слышать землю, читать темноту, ценить короткую фразу товарища больше, чем длинные речи.

Я хотел, чтобы вы увидели, что геройство здесь не сияет. Оно часто выглядит как грязь на коленях, как стиснутые зубы, как «потерпим», как «пойдем», как «не бросай».

Эта книга не рисует людей бронзой.

Здесь не будет плакатной правильности и удобных пауз. Здесь не побеждают красивыми словами. Здесь побеждают тем, что делают. И, пожалуй, самое удивительное в этом то, насколько обычными оказываются те, кто выдерживает.

Вчера — электрик, водитель, медик, сварщик, юрист, учитель. Болит спина, раздражают цены, дома ждут дети. В телефоне фотографии, которые хочется пересматривать украдкой, чтобы никому не показывать слабость. И при всем при этом именно этот человек там вдруг раскрывается как собирательный образ силы.

Не сказочной, не нарисованной, не «для отчета». Настоящей. Из той самой реальности, где подвиг выглядит не красиво, а тяжело. Где он не поднимает над землей, а, наоборот, сильнее прижимает к ней и заставляет идти дальше. Эта книга про то, что фронт не существует в вакууме. Там есть земля, на которой до тебя жили, работали, строили дома, растили детей. Там есть мирные люди. Те, кто оказался рядом с линией огня. Те, кто живет в тревоге, в нехватке, в ожидании новостей, в осторожных вопросах.

Ты увидишь эти встречи не как «эпизоды», а как часть общей правды.

Иногда разговор с пожилой женщиной, которая держит дом на упрямстве и молитве, запоминается не меньше, чем трудный выход. Иногда взгляд ребенка, который слишком рано научился различать «военные» звуки, прожигает сильнее любого выстрела. И тогда становится особенно острым понимание: защищать — это не лозунг. Это конкретные люди. Конкретные дворы. Конкретные лица, которые невозможно «не заметить».

Окоп в этой книге не просто сооружение из земли. Это память. На земле и в душе. Как шрам, как морщина. Ведь неслучайно говорят, что морщины не украшают, но делают лицо настоящим. Вот и окоп делает человека настоящим. Он снимает все лишнее: понты, привычки, пустые слова. Оставляет только то, что держит.

Именно здесь начинается то самое становление, ради которого написана эта часть: когда человек учится держать не только оружие, но и себя. Учится быть опорой, даже если внутри пусто. Учится молчать, когда молчание спасает. Учится говорить коротко и точно, потому что неверная фраза на войне иногда стоит дороже, чем ошибка в мирной жизни.

У меня в голове все время была одна бумага, которую мы подписали в самом начале. Самая короткая и самая страшная. Бумага «Кому сообщить». Кому сообщить печальную информацию. Информацию о твоей гибели. Вроде как формаль-

ность, рутина, «так положено». Но когда на бумаге твоя фамилия и под ней твоя подпись, рутина перестает быть рутинной. Это становится личным договором со смертью.

Смерть перестает быть абстрактной строкой в новостях. Она становится чем-то близким. Начинает смотреть...

Ты начинаешь иначе относиться к словам и к молчанию. К тому, как звучит голос товарища в темноте. К тому, как незаметно взрослеешь за считанные недели, будто время сжимается и догоняет тебя. Именно тогда понимаешь одну вещь, которую в мирной жизни легко не понять: забиться в угол и надеяться «пронесет» ты уже не имеешь права, потому что рядом другие, потому что ты часть команды, потому что твой страх — это уже не только твоя личная беда. Это риск для тех, кто рядом.

Ты должен жить, действовать, выполнять задачи и иногда идти туда, куда нормальный человек в мирной жизни не пошел бы ни за какие деньги. И при этом парадокс войны: ты должен одновременно идти навстречу своей судьбе и всеми силами обманывать смерть, чтобы вернуться. Вернуться не победителем из кино, а живым человеком, который сможет снова обнять близких, услышать обычные звуки и не вздрагивать от каждого хлопка.

К сожалению, не все мои фронтовые друзья смогли пройти свой рубеж.

Они останутся в памяти однополчан, в памяти матерей, в памяти жен и детей, которые будут помнить их уже не по голосу, а по фотографиям и рассказам. У войны страшная привычка: она обрывает не только жизнь. Она обрывает планы, смех, будущие разговоры, невысказанные слова.

Эта книга — попытка сохранить не статистику, а лица. Не «потери», а людей. Их характеры, привычки, шутки, молчание, их трудную, иногда грубую, но настоящую фронтовую нежность друг к другу. Потому что без этого война превращается в сухой отчет. А отчет не способен объяснить, как все это выдерживается.

И все же, как ни парадоксально, задавая вопрос себе и боевым товарищам: «А если бы можно было отмотать время назад и снова встать перед выбором — идти или не идти?», я снова и снова слышал один и тот же ответ: выбор бы не помнили.

Почему? Упрямство? Долг? Привычка отвечать за своих? Вера?

Может быть, все сразу!

История любит расставлять оценки позже, когда стихает дым и становится удобно рассуждать. Но сегодня любому, кто добровольно идет навстречу опасности, хочется верить в одно: ответ будет справедливым. Выбор будет понят. Поступок не растворится в цифрах, а имена не превратятся в строчку «потери». Для живых останется не только боль, но и смысл.

Я благодарю семью, друзей и читателей, которые заставляют меня снова и снова браться за новую книгу. Спасибо за доверие. Оно — еще одна причина не молчать, еще один повод писать так, чтобы не было права на забвение. Пролог начинается не с громкой сцены и не с красивого кадра. Он начинается с того момента, когда дорога заканчивается, и дальше все пешком. Когда привычная жизнь остается где-то позади, как звук закрывшейся двери. Ты вдруг ясно понимаешь, что теперь твои ориентиры другие: не календарь и планы, а карта, команда, время до рассвета и люди рядом.

Пролог — это первая настоящая встреча с пехотой: с ее бытом, тяжелой простотой, молчаливым братством. Это первые шаги в мир, где любое «потом» может не наступить, а любое «сейчас» нужно прожить честно и собранно. Где самое важное ты поймешь не из речей, а из того, как человек рядом делит с тобой воду, укрытие и страх.

Если ты дочитаешь до конца, ты поймешь, почему в этой книге главное слово не «атака» и не «победа». Главное слово здесь — «свои».

Возможно, после этой книги ты станешь внимательнее к «своим» в мирной жизни, потому что они, «свои», — это не те, с кем удобно. «Свои» — это те, за кого ты отвечаешь, кто отвечает за тебя. Даже если об этом не говорят вслух.

Что такое окоп, расскажите, друзья?
Вы в кино его явно видали.
Может, это слова? Может, это земля?
Может, то, что забыть обязали?

Я скажу вам, друзья,
Мне забыть то нельзя,
Уж поверьте на слово мужчине.

Это ночи без сна, жестеняк тушняка,
На окопной свече для родных подогретый.
Шутка друга,
Заря, что по утру горит красным цветом,
Это мысли о доме, слеза,
Сжатый крест в кулаке, от гранаты чека,
На троих лишь одна сигарета.

Это грязь, это боль и тоска, автоматная смазка,
Запах трав, вперемешку с металлом крови,
И навывлет пробитая каска.

Это лисья нора, не остывший с ночи пулемет,
Это нервы — струна, липкий страх по спине,
Но в атаку «ура!», по-другому нельзя:
Мать-страна ждет Поступка от сына!

Это соль на лице и земля на зубах,
Это братской могилы морщина?
Это братской могилы морщина!
Это братской могилы морщина...

Открой следующую страницу. Там начнется то,
что уже нельзя пересказать «в двух словах». Там
начнется жизнь, фронтовая жизнь.

Пролог

«Только тот народ, который чтит своих героев, может считаться великим».

(К. К. Рокоссовский)

Холодный апрельский ветер гнул ветки старого грецкого ореха, нависшего над «курилкой». Порывы били в крону так, будто дерево было живым и держалось из последних сил. Оно стонало по-своему: не звуком, а движением, сухим хрустом тонких веток и тяжелым шелестом листьев, которых еще было мало, но каждый из них цеплялся за жизнь так же упрямо, как и мы.

Упрямство в природе видно сразу. Оно не делает вид. Оно не объясняет. Оно просто держится, пока может. А потом падает, если силы кончаются. На войне это пугает, потому что война быстро убеждает: человек — тоже природа. Только у человека есть иллюзия, что он все контролирует. У дерева нет иллюзий. Оно просто стоит и принимает на себя ветер.

Ветер проходил не только через двор и небо. Он проходил сквозь бушлат, будто через марлю, находил щели под воротником и забирался туда, где человек обычно хранит уверенность. Пробирался в кости и словно спрашивал: ну что, добро-

волец, ты точно сюда пришел? Точно сам? Точно понимаешь?

Это «точно» на фронте звучит не как вопрос, а как суд. В мирной жизни у тебя всегда есть варианты и объяснения. Всегда можно сказать: ошибся, не рассчитал, поменял мнение. На войне слово «передумал» звучит иначе. Оно звучит как дырка в строю. Как место, которое теперь кто-то должен закрыть своим телом.

Иногда мне казалось, что этот ветер делает то же самое, что и война: проверяет. Не лозунгом, не барабаном, не красивой речью. Давлением. Простой, упрямой силой. Такой силой, от которой не спрячешься окончательно, потому что спрятаться можно только на минуту, а потом все равно выйдешь наружу. Война вообще не любит, когда от нее прячутся. Она терпелива. Она дождетсся. Сначала даст тебе одну иллюзию, что можно отступить на шаг, а потом заберет у тебя сразу десять.

Я видел это много раз по людям. В первые дни человек держится на гордости и на надежде. На мыслях: «Я справлюсь», «Со мной ничего», «Я не хуже других». Потом приходит первая настоящая усталость, и гордость начинает нашептывать: «Может, хватит? Может, переждем? Пусть другие». Это не трусость в киношном смысле. Это бытовая слабость, человеческая. Самая опасная, потому что она выглядит как здравый смысл.

Слабость на войне не всегда похожа на бегство. Она чаще похожа на желание пересидеть,

найти теплый угол, спрятаться от ответственности, от людей, от решений, которые жгут руки. Она выглядит как усталость, которая шепчет: «Да кому ты нужен? Да пусть решают другие». И самое страшное, что это шепчет не враг и не штабной офицер в кабинете. Это шепчет твое собственное тело, когда оно впервые по-настоящему пугается.

Ветру вторил мелкий, липкий дождь. Он не лил стеной. Он моросил настойчиво, цеплялся за ресницы, прятался в воротник, норовил промочить до нитки и потушить сигарету, спрятанную в кулак. Дождь был как мысль, от которой не отмахнуться, тонкая, неприятная, постоянная. Не удар, а подтачивание. От удара можно отскочить. От подтачивания — некуда. Оно идет вместе с тобой.

Я стоял один под орехом и смотрел на мокрую землю. По ней ходили люди, по ней ездили машины, по ней тянули ящики и мешки, и она все терпела. Земля всегда терпит. Вопрос только в том, сколько еще выдержит человек.

В одиночестве война разговаривает громче. Она будто приближается к лицу. В толпе можно спрятать взгляд, можно спрятаться в чужом шуме, в общей суете, в грубых шутках. А когда ты один, даже шум ветра становится личным. И ты вдруг слышишь, как в голове щелкает счетчик: сколько осталось? Сколько выдержишь? Сколько сможешь вытянуть людей, которые смотрят

на тебя как на опору, даже если ты сам внутри шаткий?

Я уже знал, что самая тяжелая часть войны не всегда там, где стреляют. Иногда она здесь, в мокрой темноте, когда тебя никто не видит, а ты все равно обязан не расползтись. Потому что, если расползешься ты, расползутся и другие. Командир не имеет роскоши быть слабым на публике. На войне вообще мало роскоши. Даже тишина здесь не роскошь, а короткая передышка, которую нельзя тратить на жалость к себе.

Я затаился. Сигарета шипела от влаги. Едкий дым на секунду согрел изнутри, но тут же смешался с холодом, и это было правильно. На войне все быстро возвращается к реальности. Дым горчил, и в этой горечи была правда: не сладкая ложь, а настоящая, беспощадная. Война вообще не любит сладкого. Сладкое в ней быстро превращается в липкую грязь.

Шаги я слышал раньше, чем увидел человека. По мокрому бетону они звучали глухо и тяжело. Подошел Харьков. Как всегда, тихо. Воевать он умел громко, а разговаривать предпочитал вполголоса. У таких людей есть экономия слов: они слишком хорошо знают цену пустым фразам и цену лишнему вопросу.

Он встал рядом, не лезя в пространство, но так, что плечом можно было почувствовать присутствие. На фронте это отдельный язык: человек рядом не потому, что ему скучно, а потому что по-